ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1995 г.

EURIPIDES NON SATIS NOTUS

Незнакомый Еврипид

ТРАГЕДИИ ИНТРИГИ И СЛУЧАЯ*

Перевод с древнегреческого и комментарии *В.Н. Ярхо*

АЛЕКСАНДР[38]

Трагедия была поставлена в 415 г. в составе трилогии, объединенной событиями Троянской войны ("Александр", "Паламед", "Троянки") (св. 6). Содержание "Александра" с наибольшей достоверностью выявляется из св. 3–5. Самый важный момент в них, в отличие от св. 1, состоит в том, что пастух Приама, которому было велено подбросить новорожденного, оставил его в живых и воспитал как собственного сына. Поэтому в конце трагедии он мог подтвердить его царское происхождение. Тому же пастуху принадлежал, по-видимому, и пролог (ср.: Ан., фр. 1–3). Кассандра, которую нередко прочили для чтения пролога, едва ли для этого подходила, так как она должна была предвидеть и последующие события, и тогда их развитие теряло бы в глазах зрителей всякий интерес. Св. 5 ценно еще в двух отношениях: оно объясняет появление дополнительного хора (св. 2), который составляли пастухи, приведшие к Приаму слишком много возомнившего о себе Париса, и оно же показывает, что попытку убить незнакомца совершала не узнавшая его родная мать, а не задетый его успехом в состязании Деифоб. Правда, и после опубликования папирусного св. 5 не все становится до конца ясным: из кого состоял основной хор трагедии? Шла ли в ней

---

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 1995. № 3.

[38] *Snell B.* Euripides Alexandros // Hermes. Einzelschriften. 1937. № 5 (по этому изданию дается в скобках нумерация фрагментов); *Scodel R.* The Troian Trilogy of Euripides. Gottingen, 1980. P. 20–42; *Kovacs D.* On the "Alexandros" of Euripides // HSCPh. 1984. V. 88. P. 47–70 (весьма проблематичная работа); *Huys M.* The Plotting Scene in Euripides "Alexandros" // ZPE. 1986. Bd 62. S. 9–36.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

что ребенок станет гибелью для родины, и велел его подкинуть. Когда младенец родился, Приам дал его слуге отнести на гору Иду и подбросить там; слугу звали Агелай. Подкинутого им младенца пять дней кормила медведица[44]. Когда же Агелай нашел ребенка уцелевшим, он забрал его к себе в дом и воспитал как собственного сына, назвав его Парисом. Достигши юности и превосходя многих красотой и силой, Парис получил новое имя Александр, так как он отразил разбойников и защитил стада[45]. И немного времени спустя он нашел родителей.

Св. 4[46]. Елена
(*указывая на Гекубу*)
Всех бед была началом эта женщина,
Родившая Париса, а за ней – старик,
Младенца не убивший, что приснился ей
Зловещей головней и Александром стал.

Св. 5[47]. "Александр", начало которого:
"... и преславный Илион".

Вот содержание:

(Из-за каких-то) видений, явившихся во сне Гекубе, (Приам) отдал (сына) пастуху, чтобы тот подбросил ребенка. Он же вырастил Александра как (собственного) сына, назвав Парисом. Гекуба, печалясь об этом дне и считая его достойным почитания, оплакивала выброшенного ребенка и уговорила Приама учредить в его честь (пышные) состязания. Прошло 20 лет, и юноша стал проявлять природные качества (более высокие), чем подобало бы сыну пастуха. Тогда другие пастухи, из-за высокомерного отношения к ним Александра, связали его и отвели к Приаму. Отвечая на вопросы царя (или: защитившись перед лицом царя), Парис (попросил у него удовлетворения), одолел каждого из нападавших его и получил разрешение участвовать в состязаниях, совершаемых в его честь. Он одержал победу в беге, в пятиборье и также в кулачном бою, чем вызвал (сильное) раздражение среди окружения Деифоба. Решив, что они побеждены рабом, эти люди побудили Гекубу убить его. Но Кассандра, появившись в состоянии одержимости[48], узнала Александра и стала пророчествовать о будущем, а Гекубе, желавшей убить незнакомца, в этом помешали. Воспитавший его пастух, появившись, был вынужден сказать правду перед лицом опасности. Так Гекуба нашла сына...

Св. 6[49]. В 91-ю Олимпиаду (415–412 гг.) соревновались между собой Ксенокл и Еврипид. И первым оказался Ксенокл, каков бы он ни был, с "Эдипом", "Ликаоном", "Вакханками" и сатировской драмой "Афамант". Вторым же после него был Еврипид с "Александром", "Паламедом", "Троянками" и сатировской драмой "Сизиф".

Фрагменты

[К прологу, излагавшему сюжетную экспозицию, мог бы подходить фрагмент из Энния, 38–49 (=1 S.), в котором речь шла о толковании сна, привидевшегося Гекубе[50].

---

[44] Подробность, нигде более не упоминаемая. Ср. у Элиана (Пестрые рассказы. XIII.1) историю Аталанты.

[45] Греч. ἀλέξω – "защищать, оборонять".

[46] *Еврипид*. Троянки, 919–922.

[47] *Coles R.A.* A New Oxyrhynchus: The Hypothesis of Euripides Alexandros // BICS. 1974. № 32; P. Oxy. 52 (1984), 3650; *Luppe W.* Die Hypothesis zu Euripides' Alexandros // Philologus. 1977. Bd 120. S. 13–20; *Шопина Н.Р.* Папирусное "содержание" трагедии "Александр" и ее место в творчестве Еврипида // ВДИ. 1986. № 1. С. 117–130.

[48] Перевод основан на чтении παραγενηθεῖσα, предложенном Люппе (*Luppe W.* Zur "Alexandros" = Hypothesis: P. Oxy. 3650 // ZPE. 1986. Bd 63. S. 7–10).

[49] *Элиан*. Пестрые рассказы. II. 8.

[50] См. *Полонская К.П., Поняева Л.П.* Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 42 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Если после отражения разбойников Парис получил свое нынешнее имя, то из пролога мог происходить еще один стих у Энния:

Потому зовут Париса Александром пастухи (56 = фр. 175). От еврипидовского пролога сохранился единственный неполный стих:]

Фр. 1(2)… И стопа влачилась времени.

[После парода следовал монолог Гекубы, все еще тоскующей по сыну, и попытка хора ее успокоить:]

Фр. 2(3). Хор: Доля всех – умереть, и мудрость велит
Общим горем потерю свою измерять.

Фр. 3(4). Хор: Никто из смертных вечно не блаженствует.

Фр. 4(5). Хор: Но горе утолять нам должно временем.
Гекуба: Да, легче посоветовать, чем боль снести.

Фр. 5(6) Хор: И без того дом полон сыновей твоих.
Гекуба: Я плачу, что младенца (мы подбросили).
Хор: Приам несчастный…
Гекуба: Мы знаем, пострадавшие…

5. Хор: О прежнем горе новых слез не надо лить.
Гекуба: Чужой так скажет, только не родная мать.
Хор: Но мальчик, говорят, погиб…

[Затем появляется дополнительный хор пастухов, приведших Париса. В плохо сохранившемся папирусном фрагменте (16 S.) находим несколько слов, которые можно отнести к играм, установленным Приамом в память о погибшем сыне: "конными упряжками" (6), "почтил (одного) из сыновей" (8), "освящаешь эту землю" (11), "погребальные заботы" (12), "умершему" (18). Теперь Парису следовало убедить царя в своем праве принять участие в состязаниях, и разворачивался агон перед лицом царя. Возможно, что к Приаму и были обращены несколько загадочные стихи хора:]

Фр. 6(26): Коль суждена победа, проиграл ты, царь,
А коли нет, то выиграл: рабы тебе
Твои несут победу, не свободные.

[Вероятно, хор хотел сказать, что победа детей Приама над Парисом повысит авторитет царя, а их поражение приведет к его умалению. Дальше выступал Деифоб, отклонявший претензии Париса по целому ряду причин. Рабское состояние – это врожденное свойство, и от детей рабов не приходится ждать доблести:]

Фр. 7(29). Себе подобных в жены выбирает чернь.

Фр. 8(30). Родят детей рабы, во всем несдержанных.

Фр. 9(31). Никто ведь так не может воспитать детей,
Чтоб из дурных вдруг оказались знатными.

[Что касается непосредственно Александра, то:]

Фр. 10(28). … Нехорошо рабов
Таких приобретать, что их господ сильней.

Фр. 11(32). Хоть ты и мудр, Приам, я все ж скажу тебе:
Зла нету в доме большего, чем дерзкий раб,
Что в мыслях над хозяином возносится;
Покупки нет вредней и бесполезнее.

Фр. 12(27). Те из работ, что льнут к своим хозяевам,
Войну ведут с подобными самим себе.

[Еще два стиха завершали обвинительную речь Деифоба:]

Фр. 13(33). Я все сказал. Негоден вовсе рабский род:
Им только бы наесться, мысли нет другой.

[Александр начинал речь, понимая трудность своего положения:]

Фр. 14(34). Злословье для людей – беда лихая, царь.
Пусть правду скажет тот, лишен кто голоса,
Речистый говорун одержит верх над ним.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Фр. 15(35). …Мне ненавистен тот,
Кто в речи мудр, коль пользы нет от мудрости.

[В дальнейшем он, по-видимому, опровергал доводы Деифоба, видевшего залог доблести в богатстве:]

Фр. 16(36). Плохая мысль, как будто людям к мужеству
Богатство служит и привычка к роскоши:
Конечно, бедность – зло, но все ж растит она
Детей к трудам готовых и решительных.

Фр. 17(37). В богатстве правды нет, оно лишь зло творит.

Фр. 18(38). О вы, негодные! Ведь вам рабов дала
Судьба слепая, а не убеждение.

[Как видно, Парису удавалось убедить Приама, и тот соглашался допустить его к состязаниям:]

Фр. 19(39). Пусть будет время нам теперь свидетелем,
Покажешь ли ты знатным иль дурным себя.

[В следовавшем затем стасиме хор, видимо, поддерживал сторону Париса:]

Фр. 20(40). Напрасна речь, коль скоро славить вздумаем
Мы смертных благородство:
Издревле и от самого рождения
Людей взрастила мать-Земля,
Дав всем природу общую и сходную.
Нет ничего ни в ком из нас особого,
Единым племя родилось
И знатных, и незнатных,
И жизни срок у всех кончает время.

[Наряду с этим имелось и более традиционное высказывание:]

Фр. 21(41). В дурных нет благородства, только
Оно у знатных…

[Пока исполнялся стасим хора, за сценой предполагались состязания с участием Париса и сыновей Гекубы, которая с нетерпением ждала известий:]

Давно душа и уши жаждут с жадностью
Известия об играх, –

говорила она (Энний, 50 сл. = фр. 19) при появлении вестника. Тот в свою очередь в стихомифии с корифеем сначала кратко сообщал об исходе состязания:]

Фр. 22(18). Хор: Судьба всему причиной…
Вестник: Он лучшим оказался…
Хор: И что ж, увенчан он…?
Вестник: Как говорят, достоин…
Хор: И красотой своею выделяется.
Вестник: Что подобает мужу, всем…
……
Хор: Как спор решился…?
Вестник: Приам судьей был… (ст. 4–9, 12 сл.)

[От более подробного рассказа вестника ни одной греческой цитаты не сохранилось. Из Энния сюда могут быть отнесены фр. 53, 52:

(20 S.). Собралась народу пропасть, все сплошная беднота

(Деифоб все еще противится участию в состязании Париса):

(21 S.). Что, глупец, кичиться вздумал? Иль не смыслишь ничего?

(Тем не менее Парис)

(22 S.). Всех в пятиборье одолел соперников.

После предполагаемого коммоса Гекубы с хором на орхестру вступали Гектор и Деифоб, продолжая ранее начатый спор:]

Фр. 23 (23, 5–12).

Деифоб: …по мне, негоден тот,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Кто гордый дух смиряет перед худшими.
Гектор: По мне ж, нет оснований из-за мелочи
Себя терзать упреками и страхами.
Деифоб: Ужель, брат Гектор, не скорбишь совсем душой,
Что некий раб в награде обошел тебя?
Гектор: Чрезмерен гнев твой, Деифоб. Скажи, зачем
Его мне ненавидеть и страдать душой?

[Вероятно, из того же диалога:]

Фр. 24 (43, 96 сл.)[51].
Коль он сильней, ты сам себя брани за то:
Ты упустил победу, так владей собой.

[Гекуба в этом споре принимала сторону Деифоба, упрекая Гектора в чрезмерном благородстве; невозможно пережить, чтобы сын рабыни:]

Фр. 25 (43, 36–44).
Гекуба: …Кто б ни был, одолев детей Приамовых,
Фригийцев восхищеньем всюду славился.
Деифоб: Как нам причалить к берегу надежному?
Гекуба: … моя десница смерть сулит.
Деифоб: Неуязвимых нет в дому Аидовом.
Гекуба: Где ж он сейчас, победою увенчанный?
Деифоб: Троянский город ликованьем полнит весь[52].
Гекуба: Пускай придет: настигнет здесь его удар.
Деифоб: Детьми владеть своими ты не дай ему.

[И в самом деле, вернувшийся Александр попадал в западню и должен был искать спасения у алтаря:]

Фр. 26 (44). Увы, мне смерть сулит мой благородный дух,
Что всем другим приносит избавление.
Фр. 27 (66). Остановись: нельзя разить молящего!

[Здесь в дело вмешивается Кассандра; пророчество ее сохранилось в передаче Энния (59–72, 76–81 = фр. 8 и 10 S., из которых приведем только двустишие, 67 сл.):

Вот он, вот он, страшный факел, весь в кровавом пламени!
Люди, кто его погасит? Много лет таился он[53].

(Пер. М.Л. Гаспарова)

От текста этой сцены у Еврипида дошли только две цитаты: Кассандра настаивала на верности своих предсказаний:]

Фр. 28 (13). Нежданным к людям Фебово пророчество
Является, но средств нет отвратить его.
Фр. 29 (11). Мне бог назначил то вещать, что кажется
Неисполнимым; те ж, кому достанутся
Грядущие страдания и бедствия,
Сочтут мое безумье знаком мудрости.

ФРИКС[54]

У Еврипида были две трагедии, озаглавленные именем Фрикса (в дальнейшем соответственно "Фрикс 1" и "Фрикс 2"). В основе обеих лежал один и тот же миф, но в различных вариантах: у царя Афаманта (во "Фриксе 1" он был царем Фессалии, см. св. 1 и 3; фр. 2, во "Фриксе 2" царствовал в Орхомене, в Беотии, см. св. 4) от первой жены – богини Нефелы (букв.: облако, отсюда у Гигина, св. 2 – Небула) были сын Фрикс и дочь Гелла. Когда Нефела покинула супруга, он женился на Ино, одной из дочерей

[51] Последовательность фр. 23–25 установлена Коулзом.
[52] Ср. также: *Энний*, 55 = фр. 42S.: "В телячьей радости венок он носит".
[53] Ср. также другие отрывки из пророчества Кассандры: *Полонская, Поняева.* Хрестоматия… С. 44 сл.
[54] *Ван Луа.* С. 132–184, 315–320.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Кадма, приходившейся теткой богу Дионису. Та, как и положено всякой мачехе, решила извести пасынков; задуманная ею история с приведением в негодность зерна для посева (см. св. 1–3; фр. 16 и 17) привела к неурожаю и голоду, заставившим Афаманта отправить послов (или посла) в Дельфы. Не известно, какой ответ они там получили, поскольку Ино убедила их сообщить царю решение, губительное для Фрикса (или для Геллы тоже) (св. 1–3). Дальше в изложении Аполлодора (св. 1), Гигина (св. 2), папирусного "содержания" (св. 4) и папирусного отрывка (фр. 11) начинаются расхождения. У Аполлодора Афамант, вынужденный своими подданными, собирается сам принести сына в жертву; у Гигина Фрикс готов пожертвовать собой ради спасения отечества. У Аполлодора детей спасает Нефела, у Гигина – слуга, вначале убежденный Ино. У Аполлодора нет ничего о дальнейшей судьбе Ино, у Гигина Афамант отдает ее на казнь Фриксу, но женщину спасает Дионис, направляющий свой гнев на ни в чем не повинных детей, и только тогда в действие вступает Нефела. Как видно теперь из папирусных "содержаний" (св. 3 и 4), версия Аполлодора восходит к "Фриксу 1", версия Гигина – к "Фриксу 2" и вместе с вмешательством старого слуги является, вероятно, целиком изобретением Еврипида (ср. роль старого слуги в "Электре", "Ионе", "Ифигении в Тавриде"). Но, конечно, ни одна из спасительных акций, завершавших "Фрикса 2", не могла быть показана на сцене. Скорее всего, об избавлении Ино от наказания сообщал вестник, приданный Фриксу для помощи в совершении казни, а о дальнейшей участи детей Нефелы – Дионис, являвшийся под конец трагедии в качестве deus ex machina (ср. фр. 15). Таким образом, интрига, затеянная Ино и грозившая смертью сначала детям Нефелы, затем самой Ино и снова – Фриксу и Гелле, вела к двум поворотам сюжета, завершавшегося спасением всех вовлеченных в интригу персонажей. (Сообщение Гигина о безумии Афаманта, гибели Леарха и превращении Ино и Меликерта в морские божества явно заимствовано из какого-то другого источника. См. во вступительной статье о трагедии "Ино".)

О времени постановки обоих "Фриксов" данных нет; второго из них, более позднего, исследователи относят к 413–412 гг.[55]

Свидетельства

Св. 1[56]. Из сыновей Эола Афамант, царствуя в Фессалии, имеет от Нефелы сына Фрикса и дочь Геллу. Второй женой он берет Ино, от которой у него родились Леарх и Меликерт. Ино, злоумышляя против детей Нефелы, уговорила (местных?) женщин прокалить пшеницу; получив зерно, они сделали это тайно от мужей. Земля же, восприняв прокаленную пшеницу, не дала ежегодного урожая. Итак, Афамант, посылая за советом в Дельфы, спрашивал об исцелении от недорода. Ино же убедила посланцев передать прорицание, по которому бесплодие земли прекратится, если в жертву Зевсу будет принесен Фрикс. Услышав это, Афамант, вынуждаемый насельниками своей земли, подвел Фрикса к алтарю. Но Нефела похитила его вместе с дочерью и, получив от Гермеса златорунного барана, дала его детям; на нем они переправились по воздуху через землю и море.

Св. 2[57]. (1) У Афаманта, сына Эола, были от жены Небулы сын Фрикс и дочь Гелла… от Ино, дочери Кадма, – два сына, Леарх и Меликерт… (2) Ино, дочь Кадма и Гармонии, захотев убить Фрикса и Геллу, детей от Небулы, вошла в соглашение со всякого рода женщинами и составила заговор, чтобы они прокалили зерно, которое она им вручила, дабы оно не дало урожая. Цель ее была, чтобы все государство, когда наступит бесплодие и недостаток хлеба, погибло частью от голода, частью от болезни[58]. По этому поводу Афамант посылает в Дельфы слугу, которому Ино приказала принести такой лживый ответ: если Афамант принесет в жертву Юпитер Фрикса, наступит конец мору. Когда Афамант отказался так поступить, Фрикс добр

[55] *Ван Луа*. С. 183 сл., 320.

[56] *Аполлодор*. I. 9. 1; *Наук*. С. 626 сл.

[57] *Гигин*. № 1–3.

[58] Ср. фр. 11, ст. 9.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

фр. 483 засвидетельствован схолиастом в "Лисистрате", 1124, как цитата из "Мудрой Меланиппы", а фр. 7 несколько переиначен в "Фесмофориадзусах"; обе комедии Аристофана поставлены в 411 г. В качестве terminus post quem берут обычно еврипидовского "Эрехфея", показанного скорее всего ок. 423–422 гг.; хотя прямой связи между нашим фр. 1, ст. 10–12, и сюжетом "Эрехфея", на мой взгляд, нет: там речь шла о принесении в жертву одной из дочерей Эрехфея, которых у него было от четырех до шести. Источники расходятся в том, на какую из них – старшую или младшую – пал выбор родителей. Во всяком случае, Еврипид в "Ионе", 277–280, объясняет, почему эта участь миновала Креусу: она была еще грудным ребенком. Но, разумеется, относить "Мудрую Меланиппу" к более раннему периоду, чем конец 10-х годов, оснований нет: и по сюжету она близка к более поздним "трагедиям случая", и афинские комедиографы предпочитали пародировать трагедии, которые зрители могли еще хорошо помнить.

Переходя к "Меланиппе-узнице", мы оказываемся в более трудном положении, чем в предыдущем случае. Сохранились два изложения, которые могут быть соотнесены с содержанием этой трагедии, но в обоих – свои противоречия и несогласованности. Первая из них – № 186 у Гигина (св. 1) – начинается с очевидной путаницы: автор называет отцом Меланиппы Зола или Десмонта, явно приняв за имя собственное название трагедии δεσμῶτις. Затем рожденных ею и подброшенных детей подбирают пастухи – ясное дело, в царстве Эола (Десмонта), в то время как передают они их Феано, жене царя Метапонта, в Италии. Каким образом италийская царица могла связаться с эолийскими пастухами, остается загадкой. На этом фоне представляется уже мелочью, что убить выросших детей Меланиппы Феано поручает у Гигина своим сыновьям, а у Еврипида, как это видно из папирусного монолога вестника (фр. 5, ст. 15), – своим братьям.

Св. 2 содержится в мифологической части "Исторической библиотеки" Диодора, где тоже не все концы сходятся с концами. Здесь Меланиппой названа мать Эола, а его дочь носит имя Арны, к чему можно было бы не придираться, если бы ей не пришлось дважды рожать Беота (ср. § 3 и 4) – до ее ссылки в Метапонт и по прибытии в Италию. Непонятно, кто такой вообще житель Метапонта, которому вручил свою дочь Эол, и почему между ней и Автолитой (по-видимому, женой метапонтийца) возникла такая вражда, что дети Арны ее убили. Наконец, в начале изложения Беот сам присваивает Эолиде-Фессалии название Беотии (Фессалия и Беотия все же разные области), а в конце нарекает страну Арной; местные жители переименовывают ее в Беотию. Таким образом, либо Тимей, считающийся обычно источником сведений Диодора об Италии, не знал трагедии Еврипида, либо не считал нужным на нее ссылаться, либо Еврипид предложил некий вариант, не имеющий опоры в мифологическом преданий.

Комбинируя наиболее рациональные элементы из обоих рассказов и добавляя к ним св. 3–5, позволительно предложить такую реконструкцию содержания "Меланиппы-узницы": Эол заметил беременность дочери и, не веря в отцовство Посидона, вручил ее заезжему гостю из Италии с приказом продать ее в рабство. Так Меланиппа оказалась в Италии во власти некоего царя, который велел взять ее под стражу (ср. св. 4). Здесь молодая женщина родила и сумела каким-то образом передать на волю близнецов, которых подобрали пастухи, отдавшие их впоследствии Феано (Автолите). Об этом должен был сообщить в прологе зрителям либо кто-то из пастухов, либо Посидон, предвещавший попутно и судьбу самой Меланиппы, которая находится в заточении. Действие происходит в Метапонте по меньшей мере 15–20 лет спустя после описанных событий, так как усыновленные царем Метапонтом Эол и Беот – уже взрослые юноши, отправляющиеся охотиться. Здесь их и застают братья Феано, которые погибают от их рук (фр. 5). С помощью пастуха близнецы узнают и освобождают свою мать и отмщают Феано, брак с которой не принес Метапонту счастья. Вероятно, в эпилоге появлялся в качестве deus ex machina Посидон, велел

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Метапонту взять в жены Меланиппу, а Беоту и Эолу отправиться основывать себе царства.

Датировка "Меланиппы-узницы" достоверна только в отношении terminus ante quem: им являются "Демы" Евполида, поставленные в 412 г.[73] В этом же направлении ведет сходство сюжета "Меланиппы-узницы" с содержанием трагедии Софокла "Тиро", поставленной незадолго до 414 г.[74] Наконец, Ван Луа обратил внимание на то, что Еврипид не случайно сделал местом действия этой трагедии Метапонт: во время Сицилийской экспедиции афиняне проявляли большой интерес к Южной Италии. Подтверждающие это свидетельства Фукидида[75] опять же относятся к 414/413 г., которые и можно считать примерной датой для "Меланиппы-узницы".

МУДРАЯ МЕЛАНИППА

Свидетельства

Св. 1[76]. Содержание "Мудрой Меланиппы" следующее: Эол, рожденный от Эллина, сына Зевса, имел от Евридики Крефея, Салмонея и Сисифа, а от Гиппо, дочери Хирона, Меланиппу, отличавшуюся красотой. Сам он, из-за совершенного убийства, отправился на год в изгнание, а Меланиппа забеременела от Посидона двумя близнецами. Ожидая появления отца, она дала новорожденных кормилице, чтобы та, по приказу их родителя, положила детей в коровье стойло. Ко времени возвращения царя пастухи увидели, что младенцев сторожит бык, а кормит корова. Они отнесли их к царю как чудовищ, рожденных коровой. По совету своего отца Эллина Эол решил сжечь детей в качестве жертвы и приказал Меланиппе убрать их для похорон. Она же и в погребальное украшение их одела и произнесла достойную речь с просьбой о пощаде. Пролог произносит Меланиппа и говорит во вступлении следующее (фр. 1).

Св. 2[77]. Меланиппа, став матерью от Посидона, родила ему двух детей и подбросила их в отцовское стадо. Отец считает, что они рождены коровой, и хочет сжечь их как чудовищ. Помогающая ему при этом Меланиппа пытается доказать, что никакого чуда нет. На этом построена вся драма. Вместе с тем Еврипид учит нас, что строящий речь должен подготовить развязку с достоверностью ее построения. Так, испытав все способы спасения детей, Меланиппа говорит (фр. 6).

Фрагменты

Фр. 1[78]. [Речь Меланиппы в прологе:]

Зевс породил – молва идет нелживая –
Героя Эллина[79], чьим сыном стал Эол.
Вся та земля, что влагой омывается
Пенея вод, реки Асопа петлями,

---

[73] *Eupolis*. Fr. 99. v. 102 (PCG. V. P. 350). См. М.у., фр. 16.

[74] Tragicorum Graecorum fragmenta. V. 4. Gottingen, 1977. P. 463 sq.; *Софокл*. Драмы. М., 1990. С. 424 сл.

[75] VII. 33. 5; 57, 11.

[76] *Rabe H*. Aus Rhetorenhandschriften. 5. Des Diakonen und Logotheren Johannes' Kommentar zu Hermogenes / RhM. 1908. Bd 63. S. 146; *Арним*. С. 26 сл.; ср.: *Наук*. С. 509 сл.

[77] *Дионисий Галикарн*. Реторика IX, 11. См. *Наук*. С. 510. Папирусные отрывки "содержания" "Мудрой Меланиппы" ничем существенным наши знания о ней не пополнили.. См.: P. Oxy. 27 (1962). 2455; fr. 1, 2; *Остин*. С. 90; *Luppe W*. Das neus Fragment aus der Hypothesis zu Euripides' "Melanippe Sophe" // ZPE. 1991. Bd 89. S. 15–17.

[78] См. прим. 76; *Пэйдж*. С. 118 сл. Ст. 1–2 = фр. 481. Наряду с этим сохранился фр. 480 ("Кто б ни был Зевс, его лишь имя слышала"), которым, по сообщению Плутарха, раньше начиналась трагедия. Чтение P. Oxy. 2455, фр. 1 (Ζεὺς δε[) не находит подтверждения ни в одном из фрагментов.

[79] К генеалогии Эллина см.: *Гесиод*, фр. 9 MW; *Фукидид*. I. 3. 2; *Страбон*. VIII. 7.1. С. 383; *Диодор Сиц*. IV. 60.2, – все эти источники называют Эллина сыном Девкалиона; по Аполлодору же (I.7.2), "некоторые" ведут его происхождение от Зевса.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Его подвластна скипетру. По имени
Родителя зовется Эолидою.
Вот первый род, кому начало Эллин дал.
Но и другая от него возникла ветвь:
(Дор и дорийцы); а в Афины славные
Послал он Ксуфа, и в стране Кекроповой
Дочь Эрехфея сына родила ему –
Иона[80]. Но вернусь, с чего я начала.
Я – Меланиппа. Родила отцу меня
Хирона дочь, пророчица. Названия
Лекарств от бед и средства исцеления
Сообщала смертным. И за это грозный Зевс
Покрыл ей тело рыжим конским волосом.
Гонима бурей с неба потемневшего,
Бежала прочь она от Корикийских муз,
И люди, изумляясь виду новому,
Пророчицу прозвали Кобылицею.
Такая вот молва идет о матери[81].

(Затем говорит, что, соединившись с Посидоном, родила двух мальчиков-близнецов.)

[После монолога Меланиппы следовало ожидать появления пастухов с подкидышами или рассказа об их приходе к царю, затем – после выхода хора? – диалога между Эолом и Эллином, который убеждал сына сжечь детей. Сюда могли относиться стихи из "Меланиппы" Энния (296–298):

Нет повода для спора: это чудища.
Вот речь моя: то знаменье опасное.
... Меня послушай: сжечь вели тех мальчиков.

К этой же сцене Ван Луа относит стих, сохраненный Стобеем из "Меланиппы" без указания, которая из двух имелась в виду. Здесь Эллину приходилось преодолевать сопротивление Эола его совету:]

Фр. 2 (510). Ай-ай, как молод да и глуп к тому же он!

[Начало речи Меланиппы в агоне либо заимствовано целиком из трагедии о ней, либо соединено из различных стихов Еврипида в "Лисистрате", 1124–1127 (= фр. 483):

Пусть я жена, но обладаю разумом,
И мысль моя, конечно, не безнравственна.
Слыхала много мудрых слов от старших я,
И от отца, и умной я воспитана.

Затем Меланиппа апеллировала к знанию, унаследованному от матери:]

Фр. 3 (482). Кто по веленью звезд словами вещими
Одним богам известное пророчила.

Фр. 4 (484). От матери я эту мысль усвоила:
Единым целым были небеса с землей[82];
Когда же друг от друга отделилися,
Родили все и к свету солнца вывели:

---

[80] Рождение Иона от Ксуфа противоречит версии, принятой самим Еврипидом в "Ионе", где происхождение ионийцев возводится к Аполлону.

[81] История Гиппо, изложенная здесь, – скорее всего нововведение Еврипида, пожелавшего наделить ее пророческим даром, а Меланиппу – мудростью, унаследованной от матери (фр. 3 и 4). Более обычная версия: охотясь в горах, Гиппо была изнасилована Эолом и, боясь гнева отца, попросила богов, чтобы они изменили ее внешность. Еще один вариант – у Каллимаха, фр. 509 Pf. См. *Luppe W.* Die indirekte Überlieferung der euripideischen Gestaltung des Methos von Melanippes Mutter // Sacris erudiri 1989–1990. V. 31. P. 257–270.

[82] Этот стих теперь обнаружен на кубке позднего орфического происхождения, описанного в ст.: *Delbrueck R., Volgraff W.* An Orphic bowl // JHS. 1934. V. 54. P. 129–139.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Деревья, птиц, зверей, что морем кормятся,
И смертных род[83].

[Какое-то место занимала в доводах Меланиппы апелляция к чувству внутренней ответственности человека, заставляющему его соизмерять свои действия с требованиями Правды, а не дожидаться божественной кары:]

Фр. 5 (506). Вы думаете, наши преступления
Записывает кто-то, и сам Зевс, взглянув,
Шлет людям воздаянье[84]? Не хватило бы
Там даже неба, если б Зевсу вздумалось
Грехи наши записывать[85]. И вовсе он
Не шлет нам кары. Нет, но между нами есть
Здесь Правда где-то близко, коль хотите знать.

[Наконец, Меланиппа переходила к более житейскому доводу, известному нам из св. 2:]

Фр. 6 (485). Что ежели девица соблазненная,
Боясь отца, детей своих подбросила
В коровий хлев, – ужель убить решишься их?[86]

[Дальнейшее развитие действия остается предположительным. Меланиппа, уличенная в рождении близнецов, утверждала, что их отцом является Посидон:]

Фр. 7 (487). Клянусь святым эфиром, домом Зевсовым.

[Ей, конечно, не верили и грозили наказанием, вероятно, ослеплением и заключением в тюрьму[87], чем трагедия завершиться не могла. Скорее всего появлялась Гиппо[88], – иначе зачем было бы так подробно излагать ее историю в прологе? Ей могли принадлежать рассуждения общего порядка, обращенные к дочери:]

Фр. 8 (504). Одним, дитя, жизнь – радость, хоть и малая;
А для других она же – бремя тяжкое.

Фр. 9 (505). Кто с бедствием, свалившимся негаданно,
Управиться разумно в состоянии,
Тот кажется мне самым здравомыслящим.

[Гиппо же нарекала обоих близнецов: одного, по деду, – Эолом, другой]

Фр. 10 (489). Беотом пусть зовется: ведь среди коров
Он брошен был[89].

[Наконец, как в заключении трагедии, так и в агоне, после фр. 5, могла звучать в песни хора похвала Справедливости, от которой дошел один стих (фр. 486), дополненный, однако, Мейнеке и Риббеком из контекста Аристотелевой "Никомаховой этики", V 2, p. 1129 b 28:]

Фр. 11. О, Справедливости лик золотой (= фр. 486)
Ни звезда вечерняя, ни заря
Тебя не прекрасней!

Продолжение следует

---

[83] Натурфилософские рассуждения тоже нашли отражение у Энния (301):
Светом дрожащим сверкают земля и небесная полость.

[84] К скрижалям Зевса ср.: *Эсхил.* Прометей. 789 сл.; фр. 281a, ст. 21.

[85] Ср.: *Менандр.* Третейский суд. 1084-1090.

[86] Перевод по восстановлению прозаического текста из Дионисия Галикарнасского.

[87] *Гигин.* № 186, 2.

[88] *Поллукс.* IV.141.

[89] Имя Беота (Βοιώτος) сближается с существительным βοῦς, как в позднем античном анекдоте: Βοιωτοί – βοῶν ὦτα ἔχοντες.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ